

ден и — как показывает сибирский опыт — начал работать, в том числе и у крестьян. Это выглядит парадоксом, если не учитывать постепенного движения к подоходному принципу на протяжении десятилетий. Значение сибирской податной реформы 1898 г. — в том, что она стала одной из ступеней на пути к подоходному налогу.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Томской области. Ф. Ф-196 (Томская казенная палата). Оп. 4. Д. 64.
2. Марискин О.И. Государево тягло. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX — первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья) / О. И. Марискин. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2004. — 240 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. — Т. 5 : 1885. — СПб., 1887.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. — Т. 6 : 1886. — СПб., 1888.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. — Т. 16 : 1896. — Отд. 1. — СПб., 1899.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. — Т. 18 : 1898. — Отд. 1. — СПб., 1901.
7. Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период / В. Н. Худяков. — Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1986. — 266 с.

Информация об авторе

Кириллов Алексей Константинович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: alkir.nsk@gmail.com.

Author

Kirillov Alexey Konstantinovich — PhD in Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, e-mail: alkir.nsk@gmail.com.

УДК 338(571.53)(091)
ББК 65.9(253.7)г

А.М. КУРЫШОВ

ИЗМЕНЕНИЕ СПОСОБА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ У ТОФОВ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ. КАК НАПРАВЛЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА

Рассматриваются направления модернизации традиционного хозяйства тофов (карагасов), связанные с изменениями способа природопользования в контексте трансформации системы традиционного хозяйства.

Ключевые слова: традиционное хозяйство; трансформация хозяйства; тофы; тофалары; карагасы; способ природопользования.

CHANGING OF THE WAY OF THE NATURAL RESOURCES MANAGEMENT AT TOFFS AT THE END OF XIX — EARLY XX AS THE DIRECTION OF TRADITIONAL FARMING MODERNIZATION

The directions of traditional farming of Toffsmo-
dernization, that connected with the changing way of natural resources management are explored.

Keywords: traditional farming, toffs, tofalar, karagas, way of natural resources management.

Целью данного очерка является рассмотрение явлений экономического характера, составляющих основу процессов трансформации традиционного хозяйства тофов (карагасов) — малого народа, проживающего на территории Иркутской области — на рубеже XIX–XX вв.

Так же как и у эвенков (см.: [5]), система традиционного хозяйства тофов подверглась серьезным изменениям, которыми был затронут основной способ природопользования — охота.

Все изменения систем традиционного хозяйства тофов (так же, как и эвенков) объединяются в две группы: трансформация способа природопользования (например, переход от занятия только охотой дополнительно к скотоводству или земледелию) и формирование зачатков товарного хозяйства. Изменения первой группы касались содержания хозяйственной активности, в то время как изменения второй группы затрагивали форму способа природопользования.

Трансформация способов природопользования тофов в части содержания хозяйственной активности может проявляться в интенсификации скотоводства, развитии земледелия, переходе к оседлости.

Тофы проживали компактно на юго-западе Иркутской губернии, на территории Нижнеудинского округа (уезда). Они кочевали на площади около 120 тыс. квадратных верст, доходя иногда до Тункинского края. Численность тофов в 1888 г. составила 431 чел. [6, с. 180]. Проживание в условиях высокогорной тайги определило их основной способ жизнеобеспечения — охота на копытных (лось, олень, изюбрь), и кочевой образ жизни, опирающийся на оленеводство.

Разведение скота, а именно оленей, для тофаларов было традиционным занятием. В конце XIX в. 94 % тофаларских хозяйств имели оленей. На душу мужского пола в 1888 г. у тофов приходилось 5,1 оленей, на хозяйство — 13,5 оленей [6, с. 181–182]. Н.М. Астырев отмечал, что «карагас без оленей — это то же, что земледелец без земли, орудия, рабочего скота и дома» [1, с. 317]. Более того, у тофов «места кочеваний

определяются в значительной степени оленем» [4, с. 73]. Олени в основном использовались как транспортное средство при передвижении в поисках промыслового зверя. Таким образом, оленеводческий характер хозяйства тофов был подчинен охоте.

По образу жизни таежное население Иркутской губернии, как и Сибири вообще, делилось на «кочевых» и «бродячих». По официальной градации, «инородцы» различались по «степени их гражданского образования и образу жизни, а именно по качеству их промысла, составляющего главный предмет их пропитания» [9, с. 539]. Все тофы относились к «бродячим инородцам» ввиду кочевого образа жизни. В конце XIX — начале XX вв. начинается переориентация хозяйства тофов в направлении интенсификации скотоводства как вида природопользования.

У тофов уже исследования 1887–1889 г. фиксируют появление лошадей. Лошади использовались как транспортные животные при перекочевках и на охоте. При этом отмечается, что лошади начали появляться у карагасов от бурят незадолго до исследований (в современной науке есть мнение о сохранении коневодства у тофов с древнетюркских времен). В 1888 г. из 82 хозяйств не имели лошадей лишь 22 (26,8 %). К 1912 г. количество лошадей увеличилось до 53 [7, с. 52], в 1914 г. их было уже 56, а к 1925 г. у карагасов было уже 130 коней [4, с. 80]. Вместе с тем изменяется характер оленеводства. Среди карагасов в 1888 г. лишь два хозяйства из 83 имели более 50 оленей и лошадей, при этом отмечается, что раньше были хозяйства, содержащие до 300 оленей [6, с. 182]. К 1912 г. у тофов насчитывалось 2579 оленей [7, с. 52] (рост по сравнению с 1888 г. — 56,5 %), в то время как население в 1911 г. составляло 449 человек [8, с. 2] (+4 % к уровню 1888 г.). Это может свидетельствовать об одной из двух тенденций — либо тофы стали больше кочевать, что требовало увеличения оленьего стада, либо они стали использовать оленя не только в транспортных целях, но и как источник мяса. Учитывая, что порядок и территория перекочевков тофов в рассматриваемый период оставались, по всей вероятности, неизменными (во всяком случае о таких изменениях не упоминается в источниках), логичнее предположить второй вариант. Использование в качестве транспортного средства лошади было предпочтительнее в плане скорости передвижения и грузоподъемности, что создавало для оленя серьезную конкуренцию в тофаларском хозяйстве. Кроме того, уменьшение количества промыслового зверя заставляло тофов все чаще использовать в пищу мясо оленей. Если в 1887 г. тофами было добыто 249 диких оленей и 134 изюбря, то в 1888 г. — только 156 и 126 соответственно. На уменьшение количества зверя, которое заставляет их переходить к другим промыслам, указывали и сами тофы [6, с. 183]. Указанная тенденция прослеживается и в дальнейшем. При сопоставлении данных за 1888 и 1914 г. обнаруживается сокращение добычи основных промысловых

видов копытных (дикий олень, изюбрь, лось) с 361 до 344 голов, т.е. почти на 5 %, при увеличении численности населения с 431 до 447 чел. (на 4 %), а также увеличении числа едоков на одного взрослого мужчину с 4,1 до 4,5 [10, с. 75, 78]. Очевидно, что тофы не могли ограничиваться при обеспечении себя пищей только охотой. Поэтому недостаток средств к существованию в результате сокращения промысла решался за счет забоя оленей. В 1914 г. на мясо тофами было забито 17,6 % всего оленьего стада, что сопоставимо со средними данными по Сибири по забоям крупного рогатого скота (в 1913 г. — 17,3 %) [11, л. 17об]. Вследствие сокращения промыслового зверя и усиления расслоения карагаского общества по причине нещадной эксплуатации со стороны скупщиков мехов, жители Тофаларии были вынуждены забивать домашних оленей. Поскольку естественным образом поголовье оленей не успевало восстановиться, в последующие годы наблюдается его сокращение [4, с. 76]. Все эти факты свидетельствуют о некотором изменении характера оленеводства, — из средства передвижения олень превращается в источник пищи. В свою очередь, сокращение оленьего стада приводило к дальнейшему углублению имущественного неравенства, толкая безоленных и малооленных карагасов к занятию различными промыслами.

Таким образом, в конце XIX — начале XX вв., в тофаларском традиционном хозяйстве фиксируются определенные тенденции, связанные с изменением характера оленеводства: с одной стороны, олени продолжают использоваться как транспортное средство, но к этому добавляется использование в этих же целях лошадей, с другой стороны, оленеводство начинает теснить промысел копытных как основной источник средств существования. Изменение характера оленеводства было вызвано, в первую очередь, сокращением добычи зверя, то есть явилось следствием обстоятельств природного происхождения. Использование домашних оленей как источника пищи свидетельствует об очень важной тенденции, — обращении от присваивания продуктов питания к их производству. Безусловно, говорить о полном переходе тофов к производящему хозяйству в конце XIX — начале XX вв. еще рано. Проблематично также рассматривать домашнего оленя как стабильный источник мяса (каким для бурят, например, являлся крупный рогатый скот). Тем не менее, этот факт показателен, так как он дает представление о том, в каком направлении происходили бы процессы изменения традиционного тофаларского хозяйства в объективных условиях сокращения поголовья промысловых животных в природе, если бы внешние контакты тофов не предоставили им альтернативы в виде товарной охоты.

Процесс распространения земледелия, как и переход к оседлости, в рассматриваемый период в самой малой степени затронул Тофаларию. Причина этого заключается в том, что природные особенности ареала обитания тофов практически исключают возможность занятия земледе-

лием. Кроме того, малочисленность и компактность проживания этого народа, несмотря на интенсивные контакты с представителями других этнических общностей, в то время еще позволяли изыскивать дополнительные ресурсы жизнеобеспечения внутри ориентированного на охоту и оленеводство традиционного тофаларского хозяйства.

В конце XIX в. исследователями зафиксировано лишь одно тофаларское хозяйство, основным занятием членов которого было земледелие. В этом хозяйстве, расположенном в стороне от основной территории проживания тофов, в Гадалейском участке Тулуновской волости, кроме всего прочего, содержалось семь лошадей и шесть коров [6, с. 181]. Судя по количеству скота и замечанию, что именно земледелие является основой жизнедеятельности этих тофов, хотя площадь обрабатываемой земли неизвестна, можно предположить, что данное хозяйство по своим характеристикам было типично крестьянским, как у соседних нижеудинских бурят или русских крестьян. Безусловно, это хозяйство является исключением из правил и не может служить объектом анализа тофаларского хозяйства в целом, но сам факт достаточно интересен, как одна из иллюстраций процесса преодоления экономической замкнутости Тофаларии.

Что касается перехода к оседлости, то этот вопрос прямо связан с уровнем развития земледелия, — в отличие от скотоводства, хлебопашество подразумевает необходимость проживания на одном месте. Поскольку земледелие у тофаларов в рассматриваемый период практически отсутствовало, кочевой образ жизни для них был естественным и единственно возможным в существующих природных условиях, и оставался таковым вплоть до 1920-х гг. [7, с. 201].

Итак, по причинам естественного, природного плана, земледелие не получило развития у тофов, а скотоводство было ограничено использованием лошадей (даже не разведением, большую часть лошадей тофы покупали у окинских бурят).

Проанализировав состояние тофаларского хозяйства, М.В. Рагулина относит его к одному из трех типов природопользования: оленеводческо-промысловому (связанному с транспортным оленеводством). Два других типа — скотоводческо-промысловый и земледельческо-скотоводческо-промысловый — по ее мнению характерны только для эвенков [10, с. 116–117]. Принимая в общих чертах эту градацию, все же добавим, что выделение типов природопользования в данном случае произведено по дополняющим способам природопользования, тогда как основным способом оставалась охота, изменившая в рассматриваемый период характер с промыслового на товарный.

Проявления трансформации традиционного хозяйства тофов, сводящиеся к появлению признаков товарности, заключаются, прежде всего, в переходе от преимущественно потребительской охоты к товарной

охоте на пушного зверя, а также в нерегулярной практике обращения к другим, нехарактерным для традиционного хозяйства промыслам.

Распространение товарной охоты, пришедшей на смену потребительской, является главным проявлением перехода малых народов Иркутской губернии к товарному хозяйству. До начала XIX в. у этих народов была распространена почти исключительно потребительская охота на копытных. Пушная охота в основном осуществлялась для уплаты ясака. С разрешением в начале XIX столетия свободной торговли пушной ситуация коренным образом изменилась. За появлением спроса на пушнину последовало немедленное предложение. Пушным промыслом занимались и русские, и буряты, и интернациональные артели. Но, в отличие от всех них, для тофов (и эвенков) промысел был, как правило, не способом обогащения, а источником средств к существованию, более надежным и рациональным, чем традиционная потребительская охота.

Причины перехода тофов к товарному хозяйству разнообразны. Первой из них нужно считать осознание более высокой степени рациональности новой формы деятельности по сравнению с традиционной, которое пришло под влиянием соседних народов — русских и бурят. Активизация пушного промысла явилась реакцией на конъюнктуру рынка. Естественность такой реакции, достаточно быстрое ее течение и, в итоге, повсеместное распространение товарного промысла говорят о внутренней слабости хозяйственных структур тофов, которые не смогли предоставить достойную альтернативу нарождающимся товарным отношениям. Вторая причина связана с ясачной политикой правительства. Взимание ясака пушнина стимулировало пушной промысел, а переход на денежный ясак на рубеже веков делал его едва ли не единственным источником получения денег для «бродячих» инородцев. С одной стороны, политика взимания ясака «укрепляла экономический застой, ибо вместо развития производительных сил способствовала полупеодальной эксплуатации «инородцев» [3, с. 190], с другой — подталкивая этих «инородцев» к товарному промыслу исподволь разрушала традиционные формы природопользования и вовлекала сибирские народы в общероссийскую экономическую систему. При этом, правда, место инородцев в данной системе было весьма скромным, поскольку ограничивалось предоставлением им роли добытчиков сырья. Необходимо отметить, что само по себе взимание ясака не рассматривалось правительством как элемент вовлечения инородцев в систему товарных отношений. Не являлся ясак таковым и по форме. Тем не менее, ясачная политика властей приводила к противоположному результату. Во-первых, распространяя на сибирских инородцев практику сбора ясака и ограничивая свободную торговлю пушнина, правительство тем самым втягивало их в общероссийскую систему взаимоотношений между народом и государством. В этой системе государство контролировало

экономическую активность, брало на себя функции общины. Тем самым правительство исподволь подтачивало сами устои традиционного хозяйства, предполагавшего зависимость хозяйственной деятельности от социальных институтов. Во-вторых, свободная торговля пушниной и высокие ставки ясака делали более выгодным осуществление торговых операций со скупщиками мехов. Третья причина связана с сокращением популяции животных, которые являлись объектами потребительской охоты. Как отмечает М.В. Рагулина, чтобы обеспечивать себя исключительно продукцией охоты, в конце XIX — начале XX вв. тофы должны были бы ежегодно отстреливать 1 438 лосей или 2 877 изюбров. Природная среда просто не смогла бы выдержать такой нагрузки, и предельный отстрел мог составить 30 лосей, 200 изюбров и 15 оленей в местах проживания тофов. Они же, например, в 1888 г. добыли фактически 79 лосей, 126 изюбров, 156 оленей [10, с. 78]. Безусловно, такие масштабы охоты рано или поздно должны были привести к сокращению численности диких копытных, и, как следствие, к нехватке продовольствия. Сама природа ограничивала потребительскую охоту и делала в принципе невозможным, при неразвитых земледелии и животноводстве, исключительно натуральный характер тофаларского хозяйства.

Сам прежний способ природопользования — охота — остался господствующим, но изменилась его форма, — если ранее охота была только потребительской (на копытных), т.е. натуральной, то теперь она приобрела товарный характер (на пушного зверя).

Активизация пушного промысла в рассматриваемый период заметна в хозяйствах тофов (табл.).

Добыча пушнины тофами в конце XIX — начале XX вв.

Пушной зверь	1869	1888	1914
Соболь	583	570	293
Белка	5 030	3 225	13 798
Рысь	–	4	2
Росомаха	–	2	26
Колонок	–	2	39
Горностай	–	–	21
<i>Всего</i>	5 613	3 803	14 179

Составлено по: [6, с. 183; 10, с. 80].

Заметно, что выросло не только количество добытого зверя, но и стал более разнообразным его видовой состав. Это говорит и о росте спроса на пушнину с одной стороны, и на сокращение популяций пушных зверей — с другой. С сокращением соболя связано увеличение добычи белки и других животных. Если ранее тофы сосредотачивались на соболиной и беличьей охоте, то в начале XX в. среди их добычи появляются другие животные.

Тофы подвергались при продаже пушнины неслыханному обману, в результате чего оказывалось, что они «кругом в долгу и безнадежной кабале» [6, с. 185]. В 1888 г. тофаларских соболей скупали по средней цене 7 р., а на Якутской ярмарке они стоили в 1889 г. в среднем 30 р., т.е. в пять раз дороже [6, с. 183]. Недостаток средств к существованию компенсировался частью оленеводством, частью — другими промыслами. В итоге, по данным 1888 г., из 82 тофаларских хозяйств занимались охотой 68 (82,9 %), а только охотой, и ничем другим — лишь 27 хозяйств (32,9 %) [6, с. 183].

Но пушной промысел для тофов был далеко не единственным проявлением товарности. К иным промыслам относились заготовка сена и рубка леса для золотых приисков, золотодобыча, перевозка тяжестей на оленях. Золотодобычей в 1888 г. занимались 28 чел. — представители 21 хозяйства (25,6 %), сенокошением — 24 хозяйства (29,3 %), извозом или доставкой леса — 8 хозяйств (9,8 %). Сенокошение, таким образом, после пушной охоты, было самым популярным промыслом. Интересно, что некоторые карагасы не косили траву, а рвали ее руками по кочкам. Одна семья из трех человек за лето заготовила таким способом 100 пудов сена [6, с. 182–183]. Учитывая цену на сено (85 к. за пуд), эта семья должна была заработать 85 р., что соответствует стоимости примерно стоимости 12 соболиных шкур. При средней добыче 7 соболей на хозяйство в 1888 г. это совсем неплохой заработок. Однако здесь, как и в случае со сбытом пушнины, отмечается спекулятивный характер торговли с тофами, которым за сено, золото или работу по неоправданно высоким ценам предлагались хлеб, соль, порох и свинец.

Результаты перехода тофов в конце XIX — начале XX вв. к товарному хозяйству неоднозначны. Во-первых, трансформировалась форма традиционного способа природопользования — охоты. Несмотря на то, что произошло изменение формы, но не содержания, вместе с этим видоизменилось целеполагание экономической деятельности. По-прежнему охота служила только целям удовлетворения насущной потребности человека в пище. Речь еще не идет о преследовании других целей, связанных с материальной выгодой. Об этом говорят хотя бы данные об огромных долгах карагасов перед казной и частными лицами, крайне низкий уровень их жизни, а также анализ балансов жизнеобеспечения отдельных групп этих народов, — все свидетельствует о том, что перед тофами стояла проблема физического выживания [10, с. 106–107]. Традиция не подразумевала накопление богатств. Вот как Н.М. Астырев характеризует жизнедеятельность тофов в конце XIX в.: «Убив зверя или наловив рыбы, карагаз и его семья едят до отвала в течении нескольких дней, пока хватит добычи, и только последний кусок съеден, карагаз идет вновь на промысел, а семья кормится до его возвращения оленьим молоком, если оно есть, или разваренной сараной» [1, с. 315]. Во-вторых, пушной промысел был не толь-

ко фактором увеличения поголовья оленей, но и фактором углубления социального и имущественного неравенства. Торговля с частными лицами, «покрута», необходимость выплаты ясака — все эти явления, имевшие конечной целью личную выгоду, повышали значимость индивидуального труда и сводили на нет контрольную функцию рода.

С переходом к товарному хозяйству тофаларский род внешне не претерпел существенных изменений. Однако эта неизменность кажущаяся. Раньше тофаларский род, как социальный институт, контролировал экономическую активность своих членов, например, с помощью перераспределения охотничьих угодий, добычи, мест кочевий. Род не был экономической структурой в том смысле, что сами экономические отношения были подчинены социальным интересам, хозяйственная деятельность осуществлялась как бы внутриобщины, и не выходила за ее рамки. С переходом к товарному промыслу мало того, что возросла роль отдельной семьи или отдельного охотника, — экономическая деятельность теперь была направлена за пределы общины, и оттуда же, извне, посредством рыночных механизмов она регулировалась. Теперь род не был экономической структурой потому, что начал терять контроль над хозяйственной деятельностью, отделяющейся от него и тяготеющей к внешней среде. Теперь он постепенно превращается в социальный институт, не выполняющий экономических функций и зависимый от чуждых, отделившихся от других обществ экономических институтов. Однако контроль рода у тофаларов еще проявлялся в соблюдении внутривидовой экзогамии и передаче охотничьих угодий на ежегодном общем суглане пяти (по С.И. Вайнштейну — восьми [2, с. 60–61]) родов. Хотя отдельные семьи охотились уже самостоятельно, патронимии тофов, состоящие из малых семей, все еще объединялись в роды, и номинально, и для осуществления хозяйственной деятельности (при выпасе оленей весной и летом) [7, с. 37].

Обобщая сказанное, представляется возможным сделать некоторые выводы. Во-первых, трансформация традиционного хозяйства тофов Иркутской губернии в конце XIX — начале XX вв., выразившаяся в распространении скотоводства, переходе к товарному промыслу, стала следствием сокращения объемов потребительской охоты, экономического влияния государства, русского и бурятского хозяйственного влияния. Во-вторых, земледелие и скотоводство, распространяющиеся среди тофов, не стали основными способами природопользования, — таковым оставалась охота, изменившая свою форму и превратившаяся из преимущественно потребительской в преимущественно товарную. В-третьих, широкое распространение товарного промысла приводило к постепенному поглощению традиционных хозяйственных форм рыночными отношениями. Традиционный хозяйственный уклад тофов, менее комплексный, чем у звенков, но с более развитым оленеводством, подвергся меньшим изменениям, в силу чего, по крайней мере, до 1920-х гг.

выполнял кроме прочих и этносохраняющую функцию. В социальном плане трансформация означала потерю тофаларскими родами контроля над экономической деятельностью.

Список использованной литературы и источников

1. Астырев Н. М. На таежных прогалинах: очерки жизни населения Восточной Сибири / Н. М. Астырев. — М., 1891. — 450 с.
2. Вайнштейн С. И. Родовая структура и патронимическая организация у тофаларов до начала XX в. / С. И. Вайнштейн // Советская этнография. — 1968. — № 3. — С. 60–67.
3. Дамешек Л. М. Об экономической сущности и юридической принадлежности сибирского ясака на рубеже веков / Л. М. Дамешек // Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в XX веке : материалы межрегион. науч.-практ. конф. Иркутск, 7–8 июня 2001 г. — Иркутск : Иркут. обл. типография № 1, 2002. — С. 189–190.
4. Золотарев М. Е. Карагасия / М. Е. Золотарев, Я. Н. Ходукин // Очерки жизни и быта карагас : материалы Иркутского местного комитета Севера. — Иркутск, 1926. — Вып. 1. — С. 41–88.
5. Курышов А. М. Изменение способа природопользования у эвенков Иркутской губернии на рубеже XIX–XX столетий как направление модернизации традиционного хозяйства / А. М. Курышов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2013. — С. 134–144.
6. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. — М., 1890. — Т. 2, вып. 2. — 343 с.
7. Мельникова Л. В. Тофы : ист.-этнограф. очерк / Л. В. Мельникова. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. — 304 с.
8. Миротворцев К. Н. Карагасы : стат.-экон. очерк / К. Н. Миротворцев. — Иркутск, 1921. — 26 с.
9. Положение об инородцах // Свод законов Российской империи (в четырех книгах). Кн. первая. Т. I–IV. — М., 1910. — С. 539–600.
10. Рагулина М. В. Коренные этносы сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области) / М. В. Рагулина. — Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2000. — 163 с.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 433. Оп. 1. Д. 17.

Информация об авторе

Курышов Андрей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент, кафедры истории, экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: history@isea.ru.

Author

Kuryshov Andrey Mikhailovich — PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Department of Economic and Political Science History, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: history@isea.ru.